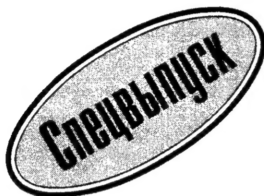

Грамадзянскі ФОРУМ

The bulletin is made up on the equipment given by US Information Agency (USIA) №21 (27) 1 – 15 лістапада, 2000 г.

Пакутнікам за Беларусь
Анатолю Майсені, Генадзю Карпенку,
Юрыю Захаранку, Віктару Ганчару,
Анатолю Красоўскаму,
Зміцеру Завадскаму
прысвячаецца

Предлагаем вашему вниманию статью

Виктора ДАШУКА, кинорежиссёра, народного артиста Республики Беларусь, лауреата Государственной премии СССР, заслуженного деятеля искусств Беларуси.

А хто там ідзе?

I. Наши врачи улыбаются всего два раза в месяц.

Беда всегда приходит неожиданно.

Рано утром в субботу у дочери началась почечная колика. Для тех, кто не знает, что это такое, объясняю: камень перекрыл выход из почки, в ней начала накапливаться жидкость, которая почку растягивала изнутри. Одновременно идет отравление организма, у больного начинается тошнота, сильная рвота...

Обо всем этом я узнал позже, а в момент приступа, как и все в таких случаях, мы действовали по обычному ритуалу: вызов «скорой», врач делает обезболивающий укол и советует после выходных обратиться к специалисту.

Через час острая боль возникает снова, опять вызываем «скорую», врач требует немедленно ехать в больницу.

Сажусь в свою машину и следом за «скорой помощью» мчусь на другой конец города. Врач «скорой» оформляет бумаги и уезжает. Мы с дочкой остаемся в приемном покое больницы скорой помощи. Повторяю: дело было в субботу...

Ждем. Дочка корчится от боли. Спрашиваю: когда будет врач? Ответ: ждите. Ждем. Проходит полчаса. Ждать невмоготу. Ведь не знаю, что с ней. Требую уролога. Ответ: ждите. Потом приходит сестра и отправляет нас на рентген. По длинным закоулкам отправляемся искать рентгеновский кабинет. Дочка, согнувшись, еле передвигается из-за сильной боли. Нашли, но кабинет пустой. Бегаю минут десять в поисках. Нахожу. Спрашиваем у рентгенолога: можно ли делать снимок при беременности? Ответ: ни в коем случае! А если бы мы сами не спросили — ведь никто не предупредил! Возвращаемся в приемный покой. Требую уролога и для консультации — гинеколога. Ответ: ждите. Пробую выяснить: да куда же они подевались?! Ответ: «на операции», «ушла в другое отделение». Ждем. С каждой минутой ждать все тяжелее.

Потихоньку зверею. Пробую навести справки, где врач. Никто внятно ответить не может. Начинаю скандалить и даже угрожать. В ответ — ироничные усмешки. Позже я понял, что это их защитная реакция: таких скандалов за день набирается несколько десятков...

Наконец приходит уролог. Выясняется, что для диагноза нужно срочно сделать УЗИ. Спрашиваю: куда идти? А некуда, говорят, по

выходным и ночью УЗИ у нас не работает, надо ждать до понедельника. Я потрясен, но это же больница скорой помощи! Ответ: пожимают плечами. «Так что же нам делать?» — задаю вопрос и по их глазам понимаю, что ничего глупее я спросить не мог. «А где в городе можно найти УЗИ в выходной день?» Ответ: не знаем... Ищу телефон-автомат, навожу справки, естественно, с потерей времени. Нахожу частную фирму «Лодэ», умоляю их сделать УЗИ без очереди... Сажаю дочку в свою машину (безо всякого врачебного сопровождения, а ведь в дороге всякое могло случиться!) и со скоростью 100 км/ч через красный свет на светофорах еду в другой конец города... После исследования врач ставит диагноз и настоятельно рекомендует ехать в больницу №4. Снова — в машину со стонущей на заднем сиденье дочкой, снова 100 км/ч, снова — на красный свет (мое счастье, что город в выходной день почти без машин).

В четвертой долго ищу приемный покой (указателей — никаких), потом ищу урологический корпус... Дежурный врач объясняет: «Мы — плановая больница, мы делаем операции по плану, вам надо обращаться по месту прописки...» Называю адрес, и она говорит: «Вас могут принять только в больнице скорой помощи». Круг замкнулся! Я уже плохо соображаю, что такое плановая больница, мне непонятно, я готов взорваться и схватить кого-либо в заложники, чтобы дочке немедленно оказали помощь, но здравый смысл подсказывает: надо уезжать! Пока я найду когонибудь, кто здесь принимает решения, пока я пройду самый первый и самый нелепый этап — тот, который мною уже пройден в больнице скорой помощи, я бессмысленно потеряю драгоценные минуты... И снова — в машину, снова — сильная рвота, снова — на красный свет скорость уже не сто, а сто двадцать, и дочка просит: «Потише папа, иначе помощь понадобится нам обоим — в лучшем случае...».

Пишу эти заметки с одной-единственной целью: ведь сегодня или завтра, сию минуту или через час, другие люди мучаются в такой же проклятой ситуации, через которую прошел я. Хочу им помочь хоть словом, потому что их, попавших и ежедневно попадающих в капкан нашей «бесплатной» медицины — не десятки, не сотни, а тысячи! Ведь то, что случилось со мной, происходило в лучших больницах столицы! И я могу лишь вообразить, что же происходит в районных и сельских.

Не хочу брать грех на душу, по ходу своей больничной одиссеи я сталкивался с десятками врачей и сестер, для которых клятва Гиппократа — не пустой звук. В том же урологическом отделении больницы скорой помощи — очень отзывчивые и грамотные люди и не их вина, что в больницу сегодня надо приезжать или со своими лекарствами, или... со своим врачом! Не их вина, что количество больных на одного врача, сестру или санитарку — умопомрачительное, и начинаешь сам соображать, что без оплаты рассчитывать на качественные услуги и лечение не приходится... И не их вина, что не хватает оборудования, новых технологий...

Поэтому все рассказы о бесплатной медицине, как о достижении нашей власти — блеф, порочный миф, который оборачивается страданиями тысяч людей. Есть фанатики-врачи и сестры, нянечки, но нет **системной помощи,** и причина здесь одна: в условиях рыночной экономики так называемая бесплатная медицина напоминает сегодня больного вялотекущей шизофренией, если говорить медицинским языком.

Помню, в приемном покое я долго кричал на одного доктора, который с тоской в глазах внимал моим беспомощным воплям. Потом я на секунду куда-то отвлекся, поворачиваюсь — мой доктор спит, сморенный усталостью. Положил голову на руки и спит, сидя на стуле, хотя кругом — содом и гоморра... И мне стало стыдно: он такой же несчастный, как и я... Позже кто-то из медработников говорил мне: наши врачи улыбаются всего два раза в месяц — в день аванса и после получки... Хотя и в этих случаях улыбка, скорее, сквозь слезы. Нищенская зарплата вынудила лучших талантливых врачей уйти в частные фирмы, в бизнес, в торговлю, многие поменяли профессию...

Сегодня я могу с полной ответственностью сказать: человек, попавший в больницу с тяжелым да еще с невыясненным диагнозом — без родственников, без связей, знакомств и без денег — обречен на долгие муки, в лучшем случае. А бывают и худшие случаи, и не так уж редко, особенно с пожилыми или стариками, неспособными контролировать ситуацию...

Поэтому криком кричу за них и за себя: нужно кардинальное решение. Вы спросите — какое? А я отвечу — не знаю. Я не специалист.

Разве с нашей нищенской зарплатой можно повсеместно сделать медицинские услуги платными? Врачи признавались мне, что им запрещено говорить больным о тех лекарствах и новых технологиях лечения, которых нет в государственных больницах, но имеются в частных фирмах. Цель таких запретов — «сохранить лицо» государственной медицины...

Наша медицина уже давно платная, но платная подпольно, платная извращенно. Больной, который хочет жить, соображает: людям в белых халатах надо давать. А кому давать, сколько давать, за что конкретно давать?.. Один берет, а второй оскорбляется: то ли из-за того, что дают, то ли потому, что **мало дают?..**

Усилия власти сохранить медицину бесплатной такие же бессмысленные, как и попытки реанимации колхозов, и напоминают распространенную врачебную ошибку, когда лечат не болезнь, а последствия. Скажем, аллергический насморк лечат нафтизином — грубо говоря, затыкают нос, чтобы сопли не текли наружу. Но болезнь-то остается... Все — и больные, и врачи — понимают, что дальше так продолжаться не может. Я думаю, что и в Министерстве здравоохранения понимают, что дальше так продолжаться не может. Но там молчат. Точно также замалчиваются на государственном уровне десятки других «болезней общества»: проблема колхозов или «грязных» продуктов и т.д. — список этот бесконечен. Потому что заявить о проблеме государства, в первую очередь, означает развеять сказку о том «рае», в котором, как утверждает власть, мы живем. А кто на это осмелится?

Наш чиновник обладает уникальной способностью держать нос по ветру и не высовываться. И чтобы эти качества у него не исчезали никогда, государственным людям время от времени демонстрируют учебные фильмы, снятые по приказу власти Белорусским телевидением, например, известный ролик «Арест Леонова, министра сельского хозяйства».

Поэтому наш чиновник — самый тихий в мире. И самый послушный, ибо знает цену «батькиного раздражения»: могут и наручники надеть.

Шатобриан писал о Наполеоне: «Даже муха, пролетавшая мимо без его разрешения, вызывала у Бонапарта страшный гнев...» Здесь Наполеон чем-то похож на нашего Александра Григорьевича. К сожалению, на этом схожесть характеров двух знаменитых людей заканчивается. Наполеон, например, расстреливал офицеров, которые били своих солдат. Бонапарт, как великий полководец, понимал, что битый солдат лишен чести, поэтому в бою не сможет драться хорошо. А у Лукашенко вряд ли найдется государственный чиновник высокого ранга, которого бы он не унизил принародно — по телевидению на всю страну. По удивительному стечению обстоятельств, в момент, когда я пишу эти строчки, по Белорусскому телевидению выступает Александр Григорьевич: в пух и прах он распекает руководителей белорусских правоохранительных органов. Потупив глаза перед президентом, сидят 12 человек, и каждый из них имеет звание не ниже генерал-майора... Какое же уважение будет у граждан к этим генералам, которых отчитывают, будто ефрейтора за грязный воротничок: «Зарубите себе на носу!» А они покорно отмалчиваются.

Униженный чиновник неспособен проявить инициативу: он боится окрика, боится потерять свое кресло. Он способен лишь аплодировать вождю... **Наш чиновник болен холуйством.** И если бы только чиновник!

II. Смерть шпионам стоит миллион долларов.

Однажды президент Лукашенко посетил киностудию и на встрече с творцами, специально отобранными для доверительной беседы, высказал пожелание, чтобы на «Беларусьфильме» был создан фильм мирового уровня, и пообещал для этой цели миллион долларов.

Для создания шедевра Министерство культуры выбрало роман советского писателя Богомолова «В августе 44-го» — книгу, хорошую по словесности, но сомнительную по содержанию. Там идет восхваление **СМЕРШа** (дословный перевод — «смерть шпионам») — одного из подразделений НКВД, занимавшегося не столько отловом вражеских лазутчиков, сколько «зачисткой» в рядах фронтовиков во время Великой Отечественной войны. Известно также, что после освобождения Беларуси от немцев **СМЕРШ** занимался поисками и уничтожением участников белорусского национального движения.

Постановка фильма была поручена кинорежиссеру Михаилу Пташуку. Проект «Момент истины» (рабочее название фильма по роману Богомолова) оказался дорогостоящим. Конечно же, обещанного Лукашенко миллиона долларов не хватило, пришлось добавлять, сколько точно — не знает никто, все время называются разные цифры. Известно только, что жизнь и без того нищей киностудии была парализована: все средства уходили на «шедевр». Многие на киностудии считают, что эта авантюрная идея была изначально обречена на провал по многим причинам. Первая из них — шедевр нельзя создать по заказу, процесс творчества — это таинство, подобное зачатию... Как совершаются открытия в науке или искусстве? Все знают, что это невозможно. Но приходит один невежда, который этого не знает, и он-то и делает открытие...

Вторая: дорогостоящие проекты обязательно должны проходить серьезную профессиональную экспертизу. О какой экспертизе можно говорить, если художественный совет киностудии «Беларусьфильм» и экспертный совет Министерства культуры сегодня — всего лишь фиговые листочки для прикрытия келейных решений министра А. Сосновского и его заместителя по кино Ю. Цветкова?

Третья: киностудия «Беларусьфильм» не в состоянии сегодня соревноваться по производству картин на мировом кинорынке хотя бы потому, что для создания глобального фильма нужно как минимум 10—20 миллионов долларов — вспомните в этой связи «Сибирского цирюльника» Никиты Михалкова с его пятьюдесятью миллионами.

Четвертая: фильм нельзя снимать рывками. Израсходовали деньги — остановились, ждут добавку... Нашли деньги — снимают, пока не кончится очередная порция... И т.д. Творческий процесс из-за этих остановок глохнет и становится плохо управляемым...

Пятая: фильм по роману «В августе 44-го» однажды уже был снят режиссером Жалакявичюсом. Произошла скандальная история: по требованию автора романа фильм положили на полку... Гарантий, что у автора на сей раз не будет претензий, не было...

Шестая и, быть может, самая главная: там, где сегодня «работают» большие деньги, вопросы творчества отходят на задний план, если вообще учитываются — это прописная истина нашего смутного времени. И чем больше долларов отстегивается на «шедевр», тем меньше надежда, что этот «шедевр» будет хоть чем-то напоминать произведение искусства.

Знали ли обо всем этом те, кто принимал решение о запуске фильма в производство? Допускаю, что на каком-то этапе мог не знать А. Сосновский — до своего назначения министром культуры к кино он отношения не имел: известие о высоком посте застало его в момент, когда он, находясь в должности заместителя мэра Минска, руководил работами во Дворце спорта по заливке катка для тех, кто любит играть в хоккей. Но заместитель Сосновского по кино Ю. Цветков — человек, знающий проблемы кинематографа назубок, по профессии — режиссер, одно время был директором киностудии...

К чему лукавить — конечно же, знали, но не осмелились возразить президенту. А то что же получается: Министерство культуры есть, а шедевров — нет! Слабо, да?..

Я допускаю еще одну причину, быть может, самую естественную: каждый наш чиновник почитает за честь исполнить просьбу главы государства, но... Чиновничье счастье так зыбко, ненадежно и обманчиво!..

Мне просто обидно, что пущены на ветер большие деньги, на которые можно было бы снять, как минимум, пять-шесть малобюджетных полнометражных художественных фильмов и вдохнуть хоть какую-то мало-мальски творческую жизнь в киностудию «Беларусьфильм», давно уже разрушенную стараниями все того же Министерства культуры.

Все, что содеяно за последние пять лет в игровом кино, находится на таком низком художественном уровне, что впору заявить о творческом бесчестии « Беларусьфильма».

Причина — в системе, которая проста, как телеграфный столб: деньги на кино дают только тем режиссерам, кто не раздражает начальство своим непослушанием, хотя всем известно, что послушные и лояльные в основном люди бесталанные... По таким же принципам — послушания и личной преданности — подбирались и директора киностудии. За пять лет их сменилось четыре. Последнего искали целый год... Видно, стали понимать, что к преданности неплохо бы добавить еще и деловые качества...

Власть плодит на всех уровнях «вертикали» больших, маленьких и совсем малюсеньких богов и божков, которые по примеру «батьки» узурпируют власть в государственных учреждениях и, имея безграничные полномочия, заваливают дело, унижая людей, а пожаловаться некому: не будет же Администрация президента сдавать своих!..

Одним из таких директоров киностудии был режиссер С. Лукьянчиков, который, по его собственным словам, «разогнал гнездо национализма на «Белвидеоцентре» и сейчас прислан с той же целью на киностудию»...

«Гнезда националистов» на «Беларусьфильме» не оказалось, и новый директор стал сводить счеты со всеми, кто знал, мягко говоря, не самые лучшие качества его личности в годы бурной молодости... Унижал десятки людей: многим не единожды приходилось подобострастно и долго «ползти по ковру от дверей до его стола в кабинете...».

Вскоре вся киностудия забурлила гневом, и даже в Министерстве культуры ужаснулись «чудачествам» С. Лукьянчикова, но тронуть его боялись целый год — ведь перед своим назначением он был принят и обласкан самим президентом и получил от него карт-бланш...

В должности директора С. Лукьянчиков первым делом отблагодарил молодого режиссера, который перед этим «организовал» письмо с просьбой о назначении Лукьянчикова директором. Ходатай получил в награду шикарный подарок: постановку художественного фильма «Кроткая» по роману Достоевского...

На литературе Достоевского терпели поражение даже классики кино, а здесь... История с «Кроткой» закончилась печально: в середине производства фильм был остановлен и закрыт по творческой несостоятельности съемочной группы. Истраченные впустую деньги, как обычно, списали...

С легкой руки властей были отняты деньги у нищего, разваленного и на сегодняшний день полностью деморализованного «Беларусьфильма» и отданы в Россию, Евгению Матвееву, на художественный фильм «Любить по-русски — 3» («Губернатор»). Фильм «Кубанские казаки», проклятый несколькими поколениями советских кинокритиков — шедевр по сравнению с «Губернатором». Драматургия картины настолько примитивна, что не испытываешь ничего, кроме чувства стыда за известных актеров — того же Евгения Матвеева и нашего Ростислава Янковского, сыгравших главные роли в фильме...

Другие времена, другие ценности... Угодить начальству да еще за приличный гонорар любят все одинаково: и по-русски, и по-белорусски...

Помню интересный случай на съемках документального фильма об испытателях парашютных систем. Одним из героев был легендарный парашютист, Герой Советского Союза. В те годы его знала вся страна. Мы сняли интервью с ним. На сдаче фильма в секретном институте под Москвой высокому начальству не понравилась какая-то незначительная фраза из этого интервью, и нас вызвали «на ковер» к руководителю института, в котором служил мой герой. Во время аудиенции я был потрясен поведением легендарного парашютиста. Человек великого мужества, не единожды смотревший смерти в глаза, вдруг испуганно задергался, как девственница перед насильником, не в состоянии скрыть свой страх...

III. Любовь жертвы к своему палачу.

Вглядываясь в тени и призраки прошлого, пытаюсь понять, почему?

Почему за тридцать лет диктатуры на Сталина не было ни единого покушения?

Почему военачальник Якир, которого обвинили в шпионаже и расстреливали по приказу Сталина, в момент казни кричал: «Да здравствует Сталин!»?

Почему Николай Бухарин, приговоренный сталинским судом к расстрелу, перед казнью написал Сталину сорок писем, где доказывал, что ради **великой** цели нужно уничтожить его, Бухарина? Что это: подсознательная любовь жертвы к своему палачу или нечто иное?

Почему 1 мая 1986 года, через четыре дня после взрыва на Чернобыльской атомной станции, в городском поселке Хойники в 30 км от Чернобыля жителей вывели на первомайскую демонстрацию. Многие были с детьми, а совсем рядом полыхал атомный пожар...

Почему Верховный Совет 13-го созыва отдал на заклание Лукашенко министра внутренних дел Захаренко, хотя доказательств вины опального генерала не было никаких?

Почему на официальных мероприятиях рядом с президентом всегда присутствует Патриарший Экзарх всея Беларуси Филарет

и никогда нет кардинала Свентека, главы католической церкви в стране?

Почему некоторые люди из окружения президента вдруг становятся его врагами, а через некоторое время вновь возвращаются к Лукашенко и в обмен на покаяние получают должности?..

В прежние времена еврея, который уехал в Израиль, а потом возвратился обратно в СССР, называли «дважды еврей Советского Союза» (по ассоциации со званием «дважды Герой Советского Союза»).

Мой прогноз: количество дважды и даже трижды холуев Республики Беларусь будет расти. Почему?

По словарю Даля: **«Холуй — человек подлый родом и приемами».** В понятии «подлый родом», по-моему, сокрыты все загадки и тайны холуйства. «Подлый родом» в Российской империи был человек на самой нижней ступеньке социальной лестницы: от рождения до смерти — в нищете и бесправии. Чтобы выжить, «подлый родом» использовал «подлые» приемы — из поколения в поколение, и постепенно страх за жизнь, за должность, за кусок хлеба закладывался в генетический код человека.

Государственный переворот в Беларуси в 1996 году целиком — на «подлых приемах». Это особенно заметно в кадрах видеохроники событий возле Центральной избирательной комиссии. Люди из службы безопасности президента — молодые мужчины с короткой стрижкой и военной выправкой, накануне ночью, сбросившие форму и в спешке переодетые в нелепые кепки и куртки, вышвырнули из кабинета председателя Центризбиркома Виктора Гончара, депутатов Верховного Совета и преградили доступ в помещение даже Генеральному прокурору... В этих молодых и наглых лицах без труда можно разглядеть потомков юных комиссаров восемнадцатого года, безнаказанно насиловавших гимназисток и способных среди бела дня, на улице, убить человека только за то, что на его кителе пришиты золотые погоны офицера царской армии...

Смотрю видеохронику побоища, устроенного властями на улицах Минска весной сего года, когда в столицу ввели войска, бронетехнику, собак, натасканных хватать человека... И вся эта лавина обрушилась на людей, собравшихся с мирными целями на площади Я. Коласа.

Вижу в кадре счастливое, улыбающееся лицо подполковника в краповом берете, который командует солдатами по захвату людей, отлову журналистов и уничтожению видеоаппаратуры... Я понимаю, что он — человек военный и обязан выполнить хоть и преступный, но приказ. Но мне кажется удивительной его счастливая улыбочка, та радость, с которой он выполняет грязную работу. Это счастье сильного и ловкого может означать лишь одно: **в подполковнике живет потребность насилия,** и он пускает в ход дубинки солдат еще и ради собственного удовольствия... Приказы для подавления мирных шествий отдаются в письменном виде, и для самосохранения вряд ли вышестоящие начальники записывают слова «избивать людей». Но вот двое прохожих делают вполне цензурное замечание в адрес солдат — как вам, мол, ребята, не стыдно?! И тут же — захват, избиение и затаскивание в машину...

— За что? — кричат избитые.

В ответ — улыбочка подполковника в краповом берете, и я понимаю, что ему все равно: за что и кого. Дубинка в его руке — как стакан с водкой в трясущихся пальцах алкоголика: агрессия, насилие сродни наркотическому опьянению...

Раньше я предполагал, что краповыми беретами награждают людей в военной форме за силу и выносливость, за честь и достоинство. Оказалось: за холуйство и подлость...

Другие времена, другие ценности...

Когда я вижу, как двадцатилетние солдатики лупят резиновыми палками стариков, женщин и детей, как те же двадцатилетние — по другую сторону баррикады отбиваются от солдат оружием пролетариата — камнями, грустно мне становится от этой нелепой и бессмысленной бойни, организованной холуями во власти.

Молодые очень злопамятны, они не умеют и не хотят прощать, их обиды закладываются в электронику мозга на всю оставшуюся жизнь. Отныне каждый студент, попробовавший «вкус» дубинки, в любом человеке в пятнистой форме военного будет видеть «подлого мента», которого надо «душить в темном месте», а юный солдатик внутренних войск, в свою очередь, каждого участника марша протеста будет рассматривать, как распоследнюю сволочь...

Люди, испытавшие многократно агрессивное состояние, потом долго не могут избавиться от чувства ненависти и мести.

Задумывались ли хоть однажды те, кто посылает войска разбойничать на улицах Минска, что своими неумными приказами они программируют будущие побоища между белорусами во сто крат кровавее сегодняшних столкновений. Им не хватает ума понять, что гражданская война 1918—1920 гг. на уровне сознания не прекращалась никогда, что дубинки и камни в руках противоборствующих завтра могут быть заменены на автоматы Калашникова... Поэтому исполнителям приказов наших властителей следовало бы начинать рабочий день с посещения психоаналитика, чтобы на лечебном сеансе у врача избавляться от гнева и нетерпимости к инакомыслию.

IV. Я пошла на панель из-за того...

В большинстве наших деревень туалет находится во дворе, за сараем, и по уровню санитарии напоминает стоянку первобытного человека. Говоришь хозяину: «Слушай, мужик, неужели тебе не противно ежедневно любоваться кучей копошащихся червей под собой? Ведь особых средств не нужно, чтобы сделать заведение цивилизованным. Главное — желание, да руки приложить... Ответ потрясает: «А зачем? Мне и так хорошо».

Все мы вышли из народа, в том числе и государственные чиновники. Крестьянский сын получает в городе квартиру, меняет свой быт, но образ мышления поменять труднее, чем туалет за сараем на современный унитаз, и у человека по-прежнему ноль желания подняться чуть выше в культуре быта, в культуре поведения, в культуре отношений между людьми... В культуре политики... Ноль желаний что-либо изменить в своей жизни. Ноль желаний проявить инициативу! Ноль желаний просто мыслить...

«А зачем? Мне и так хорошо»!»

Из людей, которым «и так хорошо», получаются прекрасные холуи.

Деревня больше других любит и боготворит Лукашенко. Голосует за него с одной целью: чтобы он сохранил колхозы и задушил богатых.

Лукашенко — президент нищих. Его электорат — это самые бедные люди, и сегодня они управляют богатыми и людьми среднего достатка. А во всем цивилизованном мире наоборот, потому что там, где правят собственники, правят законы, а где правят нищие, там — «закон — тайга, хозяин — медведь». Холуйство — философия нищих, так как нищие — самые бесправные и зависимые люди.

С помощью выборов и референдумов сегодня нами правят те, кто живет по принципу, который уже стал визитной карточкой загнанного белоруса: **«Лишь бы не было войны!».**

Навозные черви тоже живут без войны. Столетиями. Быть может, от них мы позаимствовали такую убогую формулу счастья?

Я отдаю отчет своим словам: я сам крестьянин, больше других понимаю, какое безжалостное колесо истории прокатилось по нашим людям, поэтому хочу для них лучшей доли.

Память голодного ребенка — сильная память.

Я помню, я видел после войны на морозном ноябрьском колхозном поле, как председатель колхоза верхом на коне догнал группу женщин, раздевал их и бил, вытряхивая из рейтуз и карманов уворованные картофелины, которые бабы несли домой своим опухшим от голода детям... Как вы думаете, сколько мерзлых картофелин можно спрятать в кармане?.. Потом председатель, проклятый женщинами, от стыда и содеянной подлости в ярости ударил лошадь — кулаком по морде, кричал, плакал и плевался, матюкаясь самыми страшными ругательствами...

Председатель был злым человеком, но, как ни странно, моя детская память о нем, как о человеке совестливом. Он ведь бился в истерике от того, что понимал, что он — холуй. Немногим дано такое понимание...

По себе знаю, как тяжело избавляться от чувства холуйского страха. В советские времена режиссеру, чтобы сдать фильм, нужно было пройти иногда около двух десятков ступенек из разного начальства в Минске и Москве, и на каждом этапе тебя могли «зарубить» по идейным соображениям, и всякий раз нервы «зашкаливали», потому что если ты сопротивлялся, не соглашался с замечаниями, могли последовать «оргвыводы», а процесс сдачи фильма затягивался на многие месяцы, а то и годы.

Все люди в основном делятся на две категории: одни кладут жизнь за идею, другие говорят проникновенные речи на похоронах

первых.

Однажды смотрел в теленовостях хронику похорон композитора Шнитке. Один из тех, кто нес гроб с телом покойника, как ни в чем ни бывало, вяло жевал жвачку. Этот человек потряс меня своим цинизмом. Подобное равнодушие — к тому, что происходит сегодня в стране — у большинства белорусских мастеров искусств. Самая распространенная их отговорка: **«Политикой я не занимаюсь!»** В этих словах — маленькая хитрость, чтобы спрятать стыд и страх. Политикой занимаются только те, кому нужна власть. Художнику власть не нужна, она у него есть: талант — это тоже власть. **И отношение художника к правителям — вопрос не политики, а совести.** Поэтому люди, у которых эта субстанция находится в замороженном виде, лукавят, утверждая, что политикой они не занимаются. Молчание — самая что ни есть политика. Пассивный гомосексуалист ведь тоже участник акта, и удовольствие получает отнюдь не меньшее...

Вспоминаю интервью талантливого режиссера, художественного руководителя одного из минских театров: «Разве я могу критически относится к власти, если президент повысил моим артистам зарплату?!».

Мой коллега не задумывается: платить высокую зарплату талантливым людям — **обязанность государственной власти.** А у нас это подается как благородный поступок просвещенного монарха. И потом, президент помогает выборочно — тем, кто поближе, кто послушнее, кто потише себя ведет... И еще одно: при нашей бедности, чтобы дать одному, нужно у второго отнять... К тому же, он дает не из своей зарплаты, а из государственного кармана, а по какому закону?.. По какому праву? Деньги, взятые из госбюджета не по закону, это деньги, уворованные у нас с вами...

Советские люди никогда не получали зарплату.

Они всегда получали свой заработок как милостыню от власти. А если тебе на паперти положили в ладошку медяк, ты должен быть счастлив, подобострастно кланяться и говорить: спасибо, спасибо, спасибо...

Нищим людям очень трудно сохранить себя как независимую личность. Нищие легко поддаются дрессировке.

Пару лет назад перед Новым годом в Министерстве культуры придумали благотворительную акцию: развезти подарки престарелым пенсионерам, имеющим звание народного артиста. «Увидев в пакете бутылочку коньяку, баночку икры, ананас и другие вкусности, некоторые старики начинали плакать от счастья», — с умилением пишет об этом событии журналист. И не понимает ни он, ни сам народный артист, ни те, кто вспомнил перед праздником об одиноких стариках, что одновременно с подарком человека унизили подачкой... Умом я понимаю: затея Министерства культуры — от чистого сердца, но моя душа все равно протестует: человек, положивший свой талант на алтарь Отечества, на закате жизни не в состоянии купить себе бутылку коньяку — не за что! Алкаши, пропившие пеленки своего ребенка, уравнены в размерах пенсии с заслуженными людьми.

Меня потрясает не столько нищета больших мастеров искусства, сколько наша привычка к этому, как к норме. И когда вдруг «вороне где-то Бог послал кусочек сыру» — мы захлебываемся от счастья, начинаем аплодировать, забывая, что если завтра, не доведи Господи, мастера будут хоронить, оркестра за гробом и цветов не будет — не за что купить...

Мы рождаемся, проживаем жизнь и умираем холуями... Нищими, обманутыми холуями.

Поэтому объяснение некоторых известных творцов, что «политикой я не занимаюсь», напоминает мне оправдание женщины легкого поведения, которая пошла, на панель из-за того, что ей «нечем кормить своих детей»...

В начале века в страдающей душе Янки Купалы родились знаменитые строки:

А хто там ідзе, а хто там ідзе
У агромністай такой грамадзе?
— Беларусы.
....
А чаго ж, чаго захацелася ім,
Пагарджаным век, ім, сляпым, глухім?
— Людзьмі звацца.

С тех пор прошло сто лет. А **мы по-прежнему — «сляпыя і глухія».**

V. Куда прикладывать фотографии при геморрое?

Сегодня в страну в больших количествах пришли наркотики, и все силы правоохранительных органов брошены на поиск и наказание распространителей подлого зелья.

И в то же самое время легально, на глазах миллионов людей, происходит явление, которое по своим масштабам и уродству опасно не менее наркотического дурмана.

Называется оно — Белорусское телевидение.

В силу своего воздействия на психику огромного количества людей телевидение — это не только предмет информации, политики и культуры. В первую очередь, это предмет национальной безопасности.

Сегодня БТ на полную мощность работает на разрушение нации.

Духовную нишу на телевидении должны занимать талантливые поэты, ученые, артисты, режиссеры, писатели, философы и просто по-житейски мудрые люди, у которых в силу их личной нравственности и высокой духовности есть право общаться с многомиллионной аудиторией.

Сегодня эту нишу заняли зимовские, казиятки, рудометовы, ковалевы и многие другие фигуры. Ежедневно их выпускают охотиться на людей, которые не стали холуями белорусского режима. Сегодня смотреть БТ — то же самое, что смотреть женский бокс или женский футбол — кроме отвращения, ничего не испытываешь. Все извращено. Все оболгано. Все на продажу. Понятиями «народ», «демократия», «правда» комментаторы пользуются, как туалетной бумагой. Телеэкран превратился в цирковую арену, на которой шуты от власти публично унижают и оскорбляют людей. Даже всемирно известный писатель Василь Быков не единожды становился жертвой Белорусского телевидения. Какое может быть после этого уважение к белорусскому народу, который по-холуйски равнодушно взирает на расправу с духовным лидером нации?

19 сентября 2000 года в вечерней программе белорусских теленовостей прошла информация о том, что председатель Общественного объединения БНФ "Адраджэньне" Винцук Вечерка обратился к руководителю БТ с просьбой предоставить эфир для разъяснения позиции по выборам в парламент. После этого сообщения тут же последовал сюжет о белорусских геях, хитро и запутанно смонтированный с кадрами Винцука Вечерки — явно с расчетом на то, чтобы зрители соединили имя лидера БНФ с движением «голубых» в Беларуси.

Как видите, холуйство — это не только человеческая слабость. Это еще и человеческая подлость.

Я предполагаю, что при новой власти у **входа в здание Белорусского телевидения будет установлена мемориальная доска с фамилиями всех членов великой ложи лжецов** — в назидание потомкам, потому что такой уродливой и постыдной лжи не было за всю историю нашего государства, включая даже советские времена.

Холуйский принцип — **«делайте, что хотите, только не трогайте власть»** — сыграл для БТ роковую роль. Набежали непрофессиональные и примитивно мыслящие люди, не способные сеять **«разумное, доброе, вечное...»** Телеэкран превращен ими в однообразную многочасовую тусовку, где вместо музыки и песен — видеоклиповая шизофрения, вместо интересных собеседников — косноязычные хихикающие мальчики и девочки с дешевыми рассказиками о поклонниках и поклонницах, с запасом слов, как у Эллочки-людоедки: «Кайф! Прикол! Молоток! Класс! Клёво!» и т.п, вместо высокого искусства — телевикторины и игры, игры, игры, а вместо благородных и достойных лиц — рожи, рожи, рожи...

БТ сегодня обслуживает плебс, а плебс, со своей стороны, обслуживает БТ.

Несколько лет назад любопытство привело меня на сеанс изгнания беса и снятия порчи. Происходило это в Минске, в кинозале Дома офицеров. Присутствовало сотни три человек. Я не сразу понял, что безобидное, на первый взгляд, эмоциональное общение некой прорицательницы с людьми было не чем иным, как хорошо замаскированным, бесстыдным вымогательством денег из несчастных, которые потеряли веру в излечение от своих болезней у врачей и пришли сюда с надеждой на чудо...

Позже, анализируя события того вечера, я понял, почему человека так легко обмануть: **в каждом из нас неистребима надежда на чудо...**

Первыми на сцену потянулись люди с явными психическими отклонениями, некоторых вели под руки...

Под громкие звуки музыки и вопли прорицательницы начинался гвоздь программы — снятие порчи, и я впервые увидел изнанку массового оболванивания людей. Я стоял у самой сцены, и мне не трудно было заметить,

как прорицательница ловко подбирает для показа только тех, кто склонен к истерии. Других она грубо выталкивала со сцены обратно в зал. Отобранных пациентов она «заводила» с помощью крика, музыки, манипуляций жезлом и пассами рук... Вскоре люди на сцене начинали трястись, корчиться в припадках, рыдать, некоторые почти теряли сознание, и этот шизофренический спектакль заводил тех, кто был в зале. И вскоре истерия на сцене смешалась с истерией публики.

Более жуткого коктейля из шарлатанства, психозов и просто темного бескультурья мне доселе видеть не приходилось... Но самое удивительное состояло в том, что люди в зале верили прорицательнице! Она советовала, как вылечить близкого человека — надо прикладывать его фото к разным частям своего тела: если болит нога — к своей ноге, если плохо с головой — к своей голове... «А если геморрой? — спросил кто-то из зала. — Куда прикладывать фотографию?» «К сердцу». — Отвечала она, и ответ был воспринят залом на полном серьёзе...

Механизм массового оболванивания людей ложью очень прост: для этого не нужны энциклопедические знания, нравственность, культура — достаточно лишь пары десятков незамысловатых, даже примитивных рецептов, брошенных в толпу, плюс ярко выраженный юродивый (или сыгранный под юродивого) характер того, кто эти призывы произносит... И ложь! Как учил Геббельс — чем больше, тем лучше!

Один из секретов восприятия лжи как правды — в том, что для потребления лжи не нужны усилия ума. А толпа, как известно, никогда не живет разумом, толпа живет только чувствами — на уровне инстинктов. Поэтому с помощью лжи ею так легко управлять...

Ложь используется белорусскими властями как оружие массового поражения. Убийство ложью. Роль киллера отведена Белорусскому телевидению.

Недавно на БТ появился новый начальник — господин Чикин, — он же — первый секретарь Коммунистической партии, наследницы КПСС в Беларуси. Ровно через десять лет после избавления от лжи коммунистов Лукашенко сделал потрясающий подарок белорусскому народу — вернул ему коммунистическую идеологию обратно. Вскоре, по всей вероятности, мы снова будем изучать десять заповедей строителя коммунизма...

— «Куда прикладывать фотографию при геморрое?

— К сердцу...»

Самый любимый мой анекдот.

Привозят в больницу белоруса с ножом в спине. «Больно?» — спрашивает врач. «Терпимо, — отвечает пострадавший. — **Но когда смеюсь, больно...»**

VI. Мы сами убили себя.

30 мая 1999 года в Минске в подземном переходе станции метро «Немига» в результате давки погибло 53 человека. Из них 44 — молодые девушки.

И снова — беспардонная ложь властей.

Министр внутренних дел Сиваков тут же заявил, что «толпа была пьяна».

Президент посетовал о «страшном несчастном случае в связи с тем, что внезапно испортилась погода, налетела буря, пошел дождь с градом...»

Версию о непогоде, о стихийном бедствии подхватили все обслуживающие власть источники информации, государственные чиновники всех уровней.

И никто из руководителей страны не назвал истинных виновников трагедии. А они есть. В первую очередь — минская милиция. Она должна была предотвратить несчастье, но не сделала этого. Почему?

Милиция, как и вся правоохранительная система в государстве с диктаторским, режимом умеет делать только карательную работу. Она умеет лишь защищать власть от гражданина. Но она не умеет, а, быть может, не хочет, защитить гражданина.

В других странах перед массовыми мероприятиями полиция всегда готовит планы и задействует силы и технические средства на случай безопасности людей в чрезвычайных обстоятельствах, отрабатываются все варианты поведения толпы в тех или иных ситуациях.

У нас же эти планы тщательно разрабатываются лишь тогда, когда необходимо разогнать мирную демонстрацию, шествие, когда нужно рассеять толпу с помощью дубинок, собак, газа, когда нужно «зачистить» территорию, обеспечить срочную доставку большого количества арестованных и т.д... Если коротко сказать: функция, если хотите, **философия милиции при лукашенковской власти — карательная, а не защищающая.** В этом — одна из причин трагедии на Немиге.

С другой стороны, советский человек обладает уникальным качеством неуважения друг друга.

Понаблюдайте за поведением пассажиров, которые штурмом берут двери автобуса. Или «общение» в очередях, в автомобильных пробках. Оно выливается в одну-единственную фразу: «Куда прешь, козел!».

Мы не приучены уступать один другому. В психике советского человека **разрушена ответственность** за свое поведение. Сила используется не для того, чтобы помочь слабому, а чтобы его оттолкнуть и пробиться, прибежать первому. Мы издевательски смеемся над англичанами, которые снимают шляпы, когда в лифт входит женщина...

Наш человек, обвешанный десятью сумками, вытаращив глаза, догоняет вагон метро, будто это последний поезд в его жизни. И не дай Бог оказаться на пути бегущего «бульдозера» — убьет!.. Растопчет ребенка, лишь бы только проскользнуть через закрывающиеся двери вагона...

Отчего мы такие?

Все по той же причине — **«подлые родом и приемами».**

От нищеты духа и бескультурья.

В любой толпе, где нет уважения друг к другу, всегда есть опасность быть убитым или искалеченным. Достаточно кому-либо неосторожному толкнуть на ступеньках девочку на высоких каблуках, и все!

53 трупа за десять минут!

Самая жуткая надпись на мраморной стене в подземном переходе станции метро «Немига»: **«Мы сами убили себя...».** 53 души отлетели на небеса, из них — 44 юные девушки, невесты, а виновных, по версии властей, нет!

Такое возможно только в стране, где холуйство возведено в ранг государственной политики: «Виновата стихия...».

Трагические события на Немиге — отнюдь не несчастный случай. Это убийство. Сперва — просто убийство. Потом — убийство ложью.

В годовщину трагедии, 30 мая 2000 года, на Немиге был Крестный ход и траурный митинг. Главная роль была отведена не светским ораторам, а церковным священнослужителям. Один из них в своей речи полчаса доказывал плачущим матерям с фотографиями погибших в руках: в этой трагедии никто не виноват. И столько страсти было в его словах, что возникало ощущение, будто он представляет здесь не Всевышнего, а Мингорисполком. Не исключено, что, в его понимании, это одно и то же.

Когда случается трагедия, обманывать людей не просто аморально, а преступно. Но бацилла холуйства настолько поразила белорусскую православную церковь, что впору говорить о нарушении самими же духовниками некоторых библейских заповедей...

Не обмани!..

VII. Адольф! Я хочу от тебя ребенка!

В раннем детстве меня иногда пугали: не будешь послушным, тебя посадят в клетку для кроликов... Воспоминание из детства вернулось ко мне спустя десятилетия, когда окружающая меня действительность стала иногда напоминать кроличью клетку, где жизнь каждого кролика зависит от воли хозяина: захочет — покормит, захочет — приласкает, почешет за ухом, разрешит побегать или травку пощипать на лужайке, захочет — зарежет и бросит в суп...

Десять лет назад мне пришлось снимать 5-часовой документальный фильм «Витебское дело» — о том, как на протяжении 15-ти лет сексуальный маньяк задушил 37 женщин. Но его никто не искал, хотя все преступления совершались недалеко от Витебска и по «почерку» несложно было определить, что убийца — один и тот же человек...

После очередного убийства вместо поисков сексуального маньяка хватали совершенно невиновных людей, в основном молодых, и обвиняли их в убийстве. 14 невиновных человек отсидели в тюрьме сроки от 10 до 15 лет, одного расстреляли.

Когда этот юридический Чернобыль взорвался и преступления работников правоохранительных органов стали известны, всех пострадавших выпустили из тюрьмы. Я брал у них интервью для фильма, и каждому я задавал один и тот же вопрос: «Почему ты признавался в убийстве, которого не совершал? Ведь тебя не били, не мучили, не пытали...». Конечно, рукоприкладство было, но не

в такой степени, чтобы приговорить самого себя...

Все отвечали примерно одинаково, и ответ был ошеломляющим: **«Когда за тобой захлопывается железная дверь камеры в следственном изоляторе, понимаешь, что ты обречен, и никто тебе не поможет: ни папа с мамой, ни сам Господь-Бог...** Когда следователь в паре с прокурором и адвокатом ежедневно тебя уговаривают: признавайся, иначе расстреляют! А жить-то хочется!.. Следователь сам говорил: «Ты отсюда уже не выйдешь. Мне приказано любой ценой раскрыть преступление, чтобы успокоить общественное мнение. Город должен спать спокойно».

Нужно запомнить из этого признания две ключевые фразы:

«Следователь в паре с прокурором и адвокатом».

«Мне приказано любой ценой раскрыть преступление».

В этих словах — глубинный смысл витебской трагедии.

В этих словах — разгадка многих драматических событий, которые происходили и происходят в Беларуси сегодня.

Главным героем «Витебского дела» был следователь по особо важным делам Прокуратуры Республики Беларусь легендарный Михал Кузьмич Жавнерович. Именно Михал, а не Михаил.

Легендарный во всех смыслах этого слова.

Во-первых, своей философией.

«Каждый человек — преступник, — говорил Михал Кузьмич.

— Он еще не совершил преступление, но может совершить!..».

У Жавнеровича была стопроцентная раскрываемость преступлений — случай уникальный в мировой юриспруденции. В Прокуратуре Беларуси молились на него и бросали на самые запутанные дела. Через неделю-другую преступник уже сидел в следственном изоляторе, а через месяц-второй — на скамье подсудимых. «Спец по убийствам» — была негласная кличка Жавнеровича среди коллег. Награды и почетные звания сыпались на него так часто, что на пиджаке уже не было места для очередного знака. Прокуратура тоже не оставалась в накладе — столы начальства ломились от различных Почетных грамот, а кабинеты были увешаны переходящими и юбилейными Красными знаменами за заслуги в борьбе с преступностью. И, конечно же, — очередные звезды на погоны.

Когда в автомобильной катастрофе погиб П.М.Машеров, из Москвы в тот же день прилетел заместитель Генерального прокурора СССР с бригадой лучших сыщиков Советского Союза, но москвичей и близко не подпустили к арестованному накануне водителю грузовика, столкнувшегося с машиной Машерова. Объяснили: его будет допрашивать лучший следователь республики Михал Кузьмич Жавнерович...

И лишь после вопиющего беззакония «витебского дела» вдруг обнаружилось, что слава белорусского Мегрэ добыта преступным путем. Михал Кузьмич находил невиновного, но слабого человека, прятал его в тюрьму и угрозами, иногда побоями добивался признательных показаний. А потом уже, по ходу дела, подсказывал обвиняемому детали убийства или изнасилования.

Бригада следователей из Москвы, распутывая «витебское дело», вдруг обнаружила, что «лучший следователь республики» имеет интеллект колхозного пастуха, косноязычен настолько, что не может правильно выговорить двух слов подряд, что его знание уголовного кодекса равноценно знанию им устройства атомной бомбы... И т.д. Но это были еще только цветочки...

Оказалось, что все сфабрикованные Жавнеровичем и К уголовные дела, в основном, на признаниях обвиняемых, благополучно проходили и через суды! На большинстве процессов люди, будучи невиновными, отказывались от своих признаний на предварительном следствии, но тем не менее...

Липовое следствие покрывалось таким же липовым судом. Пятнадцать лет подряд!

Вспоминаю одну деталь. Одна свидетельница **видела издали,** недалеко от места преступления, троих парней с собакой породы овчарка... В Витебском пригороде схватили троих друзей — Ковалева, Пашкевича, Янченко — и обвинили в убийстве. Следствие вел Жавнерович. Ковалев отсидел от звонка до звонка пятнадцать лет. Пашкевич — 12. Янченко — 2...

В одном из томов уголовного дела, которое рассматривал суд, аккуратно вклеена фотография маленькой дворняжки Ковалева, своим размером больше напоминающую кота, чем овчарку... А ведь это было едва ли не единственное вещественное доказательство вины — «собака породы овчарка». Суд такую «мелочь» проигнорировал...

Судьи, как и следователь Жавнерович, прекрасно усвоили главное холуйское правило: **обслуживать не закон, а власть!** Ради собственных наград, квартир, повышений по службе они отправляли за решетку невиновных. Закон и власть для них означали одно и то же! С тех пор прошло пятнадцать лет — слишком маленький срок, чтобы изменить ситуацию к лучшему.

Я работал над фильмом три года, изучил около полутысячи томов «витебских дел». И не только витебских. Было еще «мозырское дело», «могилевское дело», «гомельское»... Об этих преступлениях следствия и судов информация в Беларуси более скупа...

Когда в 1985 году сексуальный маньяк Михасевич был, наконец, пойман (по моей версии, он сам сдался, возненавидев себя и собственную никчемную жизнь), невиновных выпустили из тюрем, реабилитировали. Одного — посмертно. Более 200 работников правоохранительных органов — нарушителей закона — «наказали», — в основном, выговорами по партийной линии. Единицы были отстранены от работы. Некоторых отправили на пенсию, в том числе и Жавнеровича, которого судить не могли, так как он был ветераном войны. Но даже это смешное наказание не было широко обнародовано. Система «концы в воду» работала исправно...

Если бы подобное случилось не в советской стране, добрая сотня пинкертонов была бы отправлена на тюремные нары, потому что **был нарушен закон.** Это — у них... А у нас, у советских, нарушение закона никогда не считалось преступлением. И не считается до сих пор.

Холуйство неистребимо, потому что ненаказуемо! Никогда.

Если виновными без вины оказались двести (!) человек — это уже не судебная ошибка, не исключение из правил, а правило, и многие из правоохранительной системы и сегодня живут по этому правилу.

Вот источник наших бед — вчера, сегодня и завтра. И в 22-ом веке тоже.

Сегодня я могу с полной ответственностью за свои слова назвать причину юридического Чернобыля в Беларуси — низкий профессиональный и интеллектуальный уровень работников правоохранительных органов, помноженный на **коэффициент холуйства.**

Трехсерийный полнометражный документальный фильм «Витебское дело» был закончен мною в 1991 году. На экраны вышла только первая серия. Две остальные пылятся в фильмохранилище киностудии «Беларусьфильм». Первая серия — о преступлениях Михасевича. Вторая и третья — о преступлениях следователей, прокуроров и судей. За десять лет сериал ни разу не был показан на белорусском телевидении. Вы не догадываетесь, почему?

Более того, было заведено дело лично на меня — как автора фильма. Один из витебских прокуроров, чья фамилия была названа в интервью с незаконно осужденным Ковалевым, подал иск ... о защите чести и достоинства! И я, как некогда Ковалев, мог на собственном опыте убедиться, как судят в Витебске. На мое счастье, через два года нервотрепки Верховный суд республики отменил судебное преследование режиссера фильма «Витебское дело». По-моему, чтобы не пополнять и без того слишком длинный список жертв белорусской Фемиды еще одной фамилией... Но испытанное мной ощущение полной беззащитности я запомнил на всю оставшуюся жизнь...

После поимки серийного убийцы Михасевича его жена обратилась в милицию с просьбой, чтобы ей и детям разрешили поменять фамилию.

Судья, который по одному из «витебских дел» приговорил к расстрелу невиновного человека, фамилию не поменял.

Сегодня законодательная, исполнительная и судебная власть в стране принадлежит одному человеку. В этих условиях каждый, кто попадает в немилость власти, обречен. Последует политический заказ, и намеченная жертва немедленно попадает в руки так называемого правосудия, которое исполняет в государстве так же, как и Белорусское телевидение, своеобразную роль киллера.

Помните философский пассаж «гениального» следователя Жавнеровича: «Любой человек — преступник. Он еще не совершил преступление, но может совершить...»

Кстати, меня удивляет одно обстоятельство: почему у нас так много судей-женщин? И в этой связи вспоминаю рассказ одного известного романиста, который едва ли не четверть жизни провел в качестве члена Президиума Верховного Совета БССР. А в те вре-

мена вопросы помилования приговоренных к смерти решались на заседаниях Президиума. «Так вот, — рассказывал писатель. — Когда надо было голосовать за смертный приговор, многие мужчины мнутся, мнутся, но рук не поднимают... Психологически это очень трудно — будто ты сам, лично, пускаешь ему пулю в лоб или засовываешь его голову в петлю... Мужчины чаще всего воздерживались от голосования или голосовали за помилование... А вот женщины, к моему великому удивлению, всегда голосовали за смерть... Всегда!.. Вот такая странная психологическая загадка...»

Я тоже не могу внятно объяснить один феномен: прямо-таки космическую любовь женщин к вождям. Я много работал с немецкой кинохроникой времен Великой Отечественной войны. В 1944-м и 1945-м годах на митинги в Германии собирались, в основном, женщины. Мужчин сожрала война... Уже было известно, что Гитлер терпит одно поражение за другим, но многотысячные толпы женщин по-прежнему боготворили его: при виде вождя они сходили с ума от радости, у многих на глазах были слезы счастья, самые восторженные рыдали с истерическим криком я хочу от тебя ребенка!» Те, кто был с детьми, протягивали ему малышей, умоляя «бога», чтобы он прикоснулся к ребенку...

Что это? Все та же подсознательная любовь жертвы к своему палачу? Женские комплексы? Магнетическое воздействие личности вождя? Или человеческая слабость, патология чувственности, просто глупость... Что?

VIII. XXI век - век исчезновения Белорусов.

Есть власть Бога. Власть голода, страха. Власть женщины. Страсти. Греха. Есть власть вина или наркотика. Но самая опьяняющая, самая сладкая, самая-самая, наслаждение из наслаждений — это **власть человека над другими людьми... Власть вождя.**

В Беларуси взорвалась мина, заложенная еще генералиссимусом Иосифом Джугашвили-Сталиным. Он первым додумался собрать под свои знамена всех холуев несчастной страны и подарить им власть, как торт на день рождения... Чем привлекательна служба у Хозяина? Холуй получает хоть и маленькую, но тоже власть!

И каждый, кто занимал царский трон после Сталина, получал как бы в наследство сказочное богатство — миллионы преданных вождю людей.

Десятилетиями советскими людьми управляет не разум, данный Богом, а страх: за жизнь, за должность, за кусок хлеба. Поэтому я и не исключаю, что и в 21-м веке на руководящих постах в Беларуси вместо людей с государственным мышлением по-прежнему будут вассалы с гибким позвоночником.

Этот страх лишил их ответственности за собственное будущее и будущее своих детей — поэтому у холуев нет чувства Родины. Даже у зверей и птиц есть Родина, а у холуев — нет!

Больше всего отличает многих из этих людей особо загадочный тип интеллекта — на их лицах как бы печать неких «высших сил».

Осенью 1996 года после государственного переворота Верховный Совет 13-го созыва раскололся не только по линии преданности Лукашенко. В первую очередь, раскол произошел по линии интеллекта. **Не было никакого идеологического противостояния, было сопротивление серости — уму.** Если вы когда-нибудь внимательно смотрели телерепортаж из зала палаты представителей так называемого Национального собрания Республики Беларусь, анализировали речи некоторых депутатов, слушали интервью, заглядывали в их глаза, наблюдали за поведением... Не надо быть психологом или ученым-физиогномистом, чтобы убедиться: интеллектуальных качеств многих депутатов хватало лишь на то, чтобы обучиться простым командам: стоять, сидеть. В основном, сидеть. Иногда поднимать руку. И, как высшее проявление разума, — аплодировать! Люди, которые легко поддаются дрессировке, не могут быть личностями.

Смотрю на депутатов, обменявших совесть и достоинство на хлебные должности у Хозяина, наблюдаю, как они с серьезным выражением лиц имитируют законодательную деятельность. Какие же это, извините за выражение, «законодатели», если с их молчаливого согласия власть имеет казну, контролировать которую в стране никто не имеет права? Если с их молчаливого согласия невиновным надевают наручники? Если с их молчаливого согласия в Беларуси бесследно исчезают известные люди?

Не могу скрыть жалости при виде министров и прочих высоких «вертикальщиков» на разных совещаниях у президента, которые все время сидят, потупив глаза, будто боятся, что ОН прочтет во взгляде несогласие и, не дай Бог, заподозрит в измене...

Смотрю и ни рассудком, ни сердцем не могу понять, откуда у наших людей эта постоянная готовность к самосожжению, откуда это тянущееся десятилетиями, покорное, как на бойне, слепое подчинение новому Богу, который вдруг вынырнул из облаков и спасает нас, грешных...

Вряд ли кто-нибудь из них способен заглянуть в «черный ящик» нашей недавней истории и вспомнить о том, как дорого обходится Беларуси холуйство ее маленьких и больших вождей...

О том, что на границе Украины и Беларуси построена Чернобыльская атомная станция, я, как и все белорусы, узнал лишь после взрыва.

О том, что в Чернобыле изготавливали начинку для атомных бомб, многие не знают и поныне.

Все делалось скрытно от живущих на этой земле людей. Одни послушные и трусливые руководители Беларуси в тайне от народа разрешили опасное строительство по соседству, другие — такие же послушные и трусливые — долгое время после катастрофы прятали правду о Чернобыле, и 2,5 миллиона белорусов получили дозы радиоактивного облучения...

Будь на то моя воля, я бы каждое совещание у президента и заседание Совета министров начинал с просмотра видеоролика, на котором сняты лица детей, умирающих от лейкоза...

Наши умирающие дети — немой укор всем холуям, причастным к Чернобыльской трагедии и ко всем прошлым трагедиям, и к трагедиям, которые нас ждут впереди, если вовремя не одумаемся.

Вспомните надпись на стене в подземном переходе метро «Немига»: **«Мы сами убили себя».**

Мы, как нация, предали наших великих просветителей и мучеников Франциска Скарину и Кастуся Калиновского, предали жертв сталинского геноцида и многих других, чьей единственной и последней мечтой была свободная Беларусь.

Двадцать первый век — не исключено — век исчезновения белорусов. Нация, неспособная на протест, должна погибнуть, раствориться в других народах — таков Закон Космоса. Чечня выживет, у чеченцев процент холуев намного меньше нашего, а Беларусь погибнет, задушенная в крепких объятиях русских братьев...

Я родился на Полесье, в деревне Волоки, возле Хойник, недалеко от Чернобыля. Прекрасная страна моего детства и родные могилы засыпаны сегодня пеплом десятка атомных бомб, подобных той, что взорвалась над Хиросимой. Запретная зона. Люди здесь не живут, в зоне остались только дикие звери. Время от времени животных выборочно отстреливают, чтобы взять мясо на анализ и еще раз убедиться, что нормальная человеческая жизнь здесь невозможна в ближайшие две тысячи лет...

Пустыня Сахара в центре Европы.

Две тысячи лет!

Нужно прожить еще одну жизнь со дня рождения Иисуса Христа...

Кто из белорусских начальников ответил за Чернобыль?

Никто.

Никто из советских больших, маленьких и совсем малюсеньких вождей никогда не испытывал страха, что его когда-либо будут судить — не после смерти, а при жизни. Судить за обман людей, как судят за воровство или за убийство...

И не испытывает страха сегодня.

Почему?

А хто там ідзе, А хто там ідзе?
У агромністай такой грамадзе?
— Халуі...

Бюлетэнь «Грамадзянскі форум».
Заснавальнік:
Рэдакцыя «Грамадзянскі форум».

Выдаецца на беларускай і рускай мове. Перыядычнасць - 2 разы ў месяц.
Распаўсюджваецца бясплатна на правах унутранай дакументацыі. Выдадзена накладам 299 асобнікаў.
Выдадзена пры дабрачыннай падтрымцы Гарадзенскага абласнога грамадскага аб'яднання «Ратуша», Фонда «Альянс Каўнтэрпарт», Камісіі па Дэмакратыі Амбасады ЗША на Беларусі і Нацыянальнага Фонду на карысць дэмакратыі (ЗША).
Адрас для пошты: 231100, Ашмяны-3, а/я 63. E-mail: Civil_Forum@mailru.com